

К 400-летию юбилею начала Тридцатилетней войны: круглый стол «Тридцатилетняя война (1618-1648). Современный взгляд» (2 октября 2018 г.)

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, Германия, Вестфальский мир

Key words: Thirty Years War, Germany, Peace of Westphalia

2018 год стал годом 400-летнего юбилея начала Тридцатилетней войны – эпохального для судеб Европы события. 2 октября 2018 года в Германском историческом институте в Москве состоялось заседание круглого стола «Тридцатилетняя война. Современный взгляд». Это мероприятие было подготовлено Германским историческим институтом в Москве и кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В круглом столе приняли участие ведущие специалисты по истории Тридцатилетней войны из Германии и России.

Д-р **Сандра Дальке**, директор Германского исторического института в Москве, в своем приветственном слове сделала акцент на значении Тридцатилетней войны не только для германских государств Священной Римской империи, ставших основным плацдармом военных действий, но для всех без исключения европейских держав. Д-р Дальке сказала, что опыт Тридцатилетней войны, которая привела к заключению Вестфальского мира 1648 г., и сегодня является востребованным не только в кругах узких специалистов-историков, но и привлекает к себе внимание политиков, которые стремятся «извлекать уроки» из исторического прошлого. Открывая заседание, его ведущий к.и.н. **А.В. Доронин** (ГИИ-Москва), подчеркнул актуальность обсуждаемой темы. Четыреста лет назад, в 1618 г., в центре Европы разразилась война, получившая у современников название «немецкой» или даже «Тридцатилетней войной немцев». Общее напряжение, накапливавшееся в Священной Римской империи германской нации с конца XVI в., вылилось во внутренний конфликт между Богемией и Императором. Вскоре после начала этот конфликт принял масштабы эпохальной европейской катастрофы, в которую оказались вовлечены все великие державы того времени.

В современных школьных учебниках Тридцатилетняя война представляется как в первую очередь конфессиональный конфликт, характеризующийся ожесточенными массовыми сражениями, мародерствами, чумой и голодом. Принято считать, что в то время преобладал политический хаос, прежде всего в Священной Римской империи, но затронувший и всю Европу. Однако, хотя история изучения Тридцатилетней войны почти так же стара, как и сама война, на сегодняшний день по-прежнему нет

* *Шельшей Софья Сергеевна* – аспирантка кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sofya.shelyshey@gmail.com)

единодушия в отношении причин, характера, последствий и понимания войны. Все еще остается дискуссионным вопрос, является ли то, что обычно в целом называют Тридцатилетней войной, планомерной последовательностью боевых действий, военной кампанией с четко определенными целями, или же под этим термином следует понимать трудный для восприятия продолжительный период социальных волнений, политических интриг, религиозных распрей и произвольных военных операций и разбойничьих набегов. Не менее актуален вопрос, где следует искать аналоги Тридцатилетней войны: в «справедливых» войнах Средневековья или же в последующей истории европейских войн.

Рис. 1. Директор Германского исторического института в Москве (ГИИМ) д-р Сандра Дальке и к.и.н., научный сотрудник ГИИМ Андрей Владимирович Доронин (Личный архив автора)

Ответы на эти вопросы должны быть сформулированы на основе источников и различных подходов к пониманию всего периода Тридцатилетней войны и ее последствий. В этом смысле диалог германских и российских исследователей открывает новые перспективы в изучении Тридцатилетней войны.

Проф. д. **А. Тишер** (Вюрцбургский университет имени Юлиуса и Максимилиана) в докладе «Актуальность Тридцатилетней войны в истории и современности» также рассуждает о значении исследований, посвященных Тридцатилетней войне. Этот общеевропейский конфликт первой половины XVII в. является отличным примером регулярной актуализации отдельной исторической темы. На протяжении XVIII-XXI вв. исследователи в контексте современных им исторических реалий снова и снова обращаются к данной тематике.

Чаще всего в рамках понимания наследия Тридцатилетней войны изучают Вестфальский мир как успешный процесс мирного урегулирования. Он установил миропорядок, которой действовал в Священной

Римской империи германской нации на протяжении полутора столетий, до ее конца. То, как это было создано, на основе каких положений является актуальным примером и для конфликтов настоящего времени. В первую очередь, это установка, что конфессиональные различия не должны приводить к войне. Сама модель урегулирования религиозного конфликта также может быть принята за образец: Вестфальский мир не стал всеобщим миром для христианства, как это было обещано вначале, однако он смог в долговременной перспективе убрать религиозный раскол в Германии, который ранее привел к войне.

Изучение Вестфальского мира актуально с точки зрения того, какие именно противоречия привели к войне и как их удалось разрешить. Тридцатилетняя война является примером, на котором следует изучать роль внешнего вмешательства во внутренний конфликт.

Разделение внутриимперских конфликтов и противоречий на уровне стран ставит вопрос о тотальности Тридцатилетней войны. Эта война не была тотальной: она не была непрерывно длившейся повсюду. Были регионы, которые процветали, существовали периоды покоя, в целом повседневность не перестроилась на военный лад. С другой стороны, эта война воспринималось таковой – последствия войны и травматизация, отразившиеся в исторической памяти, также недостаточно изучены на сегодняшний день.

В свою очередь, с точки зрения повседневности интересен вопрос преобразований, вызванных Тридцатилетней войной. Речь идет о таких микро- и макропроцессах, как изменения в государственной модели, перемены в военном деле.

Рис.2. Профессор доктор Анушка Тишер (Вюрцбургский университет имени Юлиуса и Максимилиана) делает доклад (Личный архив автора)

К.и.н., доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **А.В. Лазарева** обратилась к феномену исторической памяти и восприятию Тридцатилетней войны на протяжении XVIII-XX вв. Память потомков о войне находилась под сильным влиянием образа войны, созданного современниками. Еще Конрад Репген, один из самых известных немецких исследователей Тридцатилетней войны в XX в., указывал, что уже у современников она получила «свою историческую идентичность». Ощущение ужаса и неординарный характер Тридцатилетней войны, осознанный уже современниками, сделали ее, по словам известного немецкого историка Й. Буркхардта, «из ряда вон выходящим историческим событием», аналогов которому пока еще не существовало. Все это нашло яркое отображение в источниках эпохи Тридцатилетней войны, привело к ее визуализации. Война теперь представляла не в героическом образе бога войны, а олицетворяет собой смерть и ужас.

Историография, особенно в XIX в., подчеркивала эпохальный характер Тридцатилетней войны, называя ее «Немецкой катастрофой» и «трагедией». Упоминания о войне в историографии начали встречаться после 1748 г. благодаря импульсу, связанному со 100-летием Вестфальского мира. Описанное во всех школьных учебниках, начало Тридцатилетней войны, казалось бы, также должно было стать памятным днем, юбилейной датой, особенно в эпоху появления массовой печатной продукции. Однако несмотря на грандиозные усилия немецких историков, таких как Б. Г. Нибур или Л. Ранке, никакого юбилея начала Тридцатилетней войны в 1918 г. отмечено не было. Лишь на титульном листе «Берлинер Фольксцайтунг» была дана развернутая заметка, рассказывающая о начале Тридцатилетней войны и Пражской дефенестрации. Главный акцент автор статьи сделал на интернациональный характер войны и подчеркнул ее катастрофические последствия для Германии.

Впервые памятной датой, связанной с Тридцатилетней войной, стал 300-летний юбилей Вестфальского мира, отмеченный среди руин Мюнстера и Оснабрюка в 1948 г. Сложный, надломленный II Мировой войной внутренний мир немцев нуждался в абстрагировании от постигшей их катастрофы и обращении к «урокам истории». История Германии, века, на протяжении которых она была одной из ведущих мировых держав – все это дало богатую почву для различных исторических параллелей, аллегорий, метафор, к которым обратились в первую очередь публицисты и журналисты послевоенного времени. В рамках празднования трехсотлетия Вестфальского мира в немецкой публицистике поднимаются темы, способствовавшие укреплению национальных чувств, подъему патриотических настроений и оптимизму в обществе. В честь трехсотлетней годовщины Вестфальского мира была выпущена памятная медаль, которая стала своеобразным символом не только памяти о Тридцатилетней войне, но и настроения в обществе в целом. На ее лицевой стороне была изображена разбомбленная ратуша, а на оборотной два воина, пожимающие друг другу руки, на фоне девы, несущей мир. Латинская надпись внизу гласила: «*Pax optima rerum*».

Проф. д. **К. Кампманн** (Марбургский университет имени Филиппа) в своем докладе «Тридцатилетняя война – слом эпох?» отметил необходимость пересмотреть традиционное в историографии восприятие Тридцатилетней войны как коренного перелома, обозначившего начало качественно нового этапа развития Священной Римской империи. Тридцатилетняя война не была такой жесткой чертой, последней главой уходящего времени. Вестфальский мир установил новый миропорядок в Империи, однако коренного перелома или же кардинальных изменений не последовало. Сохраняются противоречия между имперскими сословиями, династический принцип по-прежнему во многом определяет внешнюю политику. Конфессиональный и религиозный факторы также сохраняют свое значение во внутренней и внешней политике Империи после 1648 года.

Непосредственно в ходе войны также не было призывов к кардинальному слому существующего строя: никто не предлагал ликвидировать Империю, не было выступлений против самой идеи Империи и императора. В какой-то мере это отличает данный конфликт от того, что мы можем наблюдать сегодня: в эпоху Тридцатилетней войны не было фундаменталистов.

Тем не менее Тридцатилетняя война вызвала много перемен. Одной из важнейших это было изменение отношения к безопасности. В 1618 г. ни одно из государств не хотело войны, однако каждое намеренно демонстрировало свою силу и решимость, считая это необходимыми действиями предосторожности, обеспечивающими собственную безопасность. В конечном счете подобная политика также повлияла на ускорение эскалации конфликта. Только в 1630-ые гг., после Пражского мира было преодолено развитие конфликта по этой модели. В ходе Тридцатилетней войны появилось понимание событий, приведших к этой войне, были осмыслены опыт ожидания конфликта и роль страха как причины войны. Это понимание нашло свое отражение в Вестфальском мире, который необходимо изучать с точки зрения этих новых идей безопасности и мира, охарактеризовавших последующую и в какой-то степени современную историю войн.

Д.и.н., профессор **Ю.Е. Ивонин** (Смоленский государственный университет) в докладе «Малые и средние имперские чины и образование «третьей партии» в Германии» рассматривает глобальный кризис в Священной Римской империи, ставший причиной Тридцатилетней войны, с точки зрения конфликта между Императором и имперскими сословиями.

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир являются важнейшими рубежами в истории государственности Священной Римской империи германской нации. Вестфальский мир необходимо рассматривать как развитие имперской конституции, результатом которого стало усиление средних и малых имперских чинов. По итогам этого конфликта имперские чины получили право суверенитета во внешней политике, за исключением заключения союзов с противниками Империи, а значит, стали самостоятельными игроками в европейской системе государств.

В лице малых и средних чинов была сформирована так называемая «третья партия», влиявшая на имперскую внутреннюю и внешнюю политику и принимавшая нередко сторону Франции, если интересы этих государств шли вразрез с интересами императора, однако все же не отделявшаяся от Империи. Обращение малых княжеств за помощью к Франции делало возможным интернационализацию внутриимперских конфликтов.

Когда начались переговоры о заключении мира, император пытался сохранить часть своих прерогатив и воспрепятствовать участию имперских чинов на конгрессах в Мюнстере и Оснабрюке. Однако в условиях, сложившихся к концу Тридцатилетней войны, и при угрозах заключить сепаратный мир (как это, например, было с Максимилианом Баварским), император был вынужден уступить стремлениям чинов. В результате, имперские чины смогли заявить о себе как об участниках переговоров и заключения мира. Более того, можно говорить о недооцененности роли малых и средних имперских сословий в оформлении будущей Империи и имперской конституции и том, что именно вследствие их участия Вестфальский мир стал европейским.

Рис.3. Профессор Юрий Евгеньевич Ювонин (Смоленский государственный университет), профессор доктор Кристоф Кампманн (Марбургский университет имени Филиппа), профессор доктор Анушка Тишер (Вюрцбургский университет имени Юлиуса и Максимилиана) (Личный архив автора)

Выступление **М. Колленберга** (Потсдамский университет) «От расквартирования солдат, мародерства и шведского питья – к переживанию и восприятию насилия в хрониках и дневниках Тридцатилетней войны» было посвящено влиянию войны на гражданское население и осмыслению современниками тягот времен войны: мародерства, разбойничества, голода, болезней.

Распространенной практикой времен Тридцатилетней войны было содержание войск за счет региона, в котором они были расквартированы. Подобная практика являлась тяжким бременем

для гражданского населения. Обязанность обеспечивать солдат изматывало области расквартирования, их возможности, в результате учащались случаи разбойничества и мародерства со стороны солдат. Грабежи в данный период рассматривались как легитимное, закрепленное в военной практике право солдата. Нередко наблюдалось также насильственное поведение солдат по отношению к мирному населению, подвергавшемуся физическому насилию, пыткам. К примеру, часто в источниках встречается описание пытки под названием «шведское питье».

*Рис.4. Марко Колленберг и профессор доктор Маттиас Аше (Потсдамский университет)
(Личный архив автора)*

Конфликты между мирным населением и расквартированными солдатами актуализировал вопрос о несправедливости войны в понимании “bellum justum“, о легитимности и нелегитимности насилия. В XVII в. существовало два понятия для обозначения насилия: “potestas“ и „violentia“, которые в современном английском языке преобразовались в „power“ и „violence“. Первое понималось как законное принуждение, исходящее от власти, второе как нечто противоположное. Однако границы между этими понятиями зачастую были весьма плавными.

Эта расплывчатость широко использовалась в рамках пропаганды. Та же оценка насильственного поведения солдат варьировалась в зависимости от соответствующего контекста и субъективной точки зрения участвующих сторон. Анализируя источники Тридцатилетней войны, можно выделить конкретную классификацию образов насилия, при этом атрибуты легитимности и нелегитимности насилия с точки зрения пропаганды могли различаться.

В дискуссии принял участие проф. д. **М. Аше** (Потсдамский университет), а также студенты, аспиранты и выпускники исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.